

Научная статья
УДК 172.12(045)
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-38-48

ИДЕЯ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Тумин А. Ю.

*Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени
В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: tumin-msk@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.02.2026

После доработки 03.03.2026

Принята к публикации 14.03.2026

Аннотация

Цель. Работа направлена на онтологическое и историко-философское переосмысление категории служения как формы участия личности в политическом, культурном и духовном целостном бытии общества. В центре внимания – выявление того, каким образом трансформация идентичности, биополитические процессы XXI в. и кризис институтов требуют нового понимания служения, выходящего за рамки нормативного долга и функциональной лояльности.

Процедура и методы. В основе исследования лежит междисциплинарный подход, включающий историко-философский анализ, концептуальную реконструкцию, герменевтическую интерпретацию текстов классических и современных мыслителей, а также критику идеологем служения, разработанную в теориях биополитики и политической онтологии. Используются методология сравнительного анализа, деконструктивный подход к власти и субъектации, а также концепции признания и идентичности.

Результаты. Показано, что идея служения обладает многоуровневой структурой и значительной исторической глубиной, восходящей к античной политической добродетели, христианской антропологии и модерной концепции автономии субъекта. Выявляется специфика российской философской традиции, в рамках которой служение осмысляется через категории соборности, духовной ответственности и исторической судьбы. Обосновано, что в условиях биополитической реальности XXI в. служение утрачивает преимущественно институциональный характер и приобретает статус экзистенциального выбора, предполагающего ответственность перед общим будущим, коллективной памятью и уязвимыми структурами социального мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в формировании онтологически расширенной концепции служения как способа бытия личности в культурно-историческом целом. Предлагается интерпретация служения не как механизма подчинения или функции государства, а как экзистенциальной и этической формы участия человека в становлении общего мира. Тем самым работа вносит вклад в современную философию идентичности, политическую онтологию и этику ответственности, создавая концептуальные основания для нового осмысления служения в условиях глобальной нестабильности и трансформации общественных институтов.

Ключевые слова: служение, Отечество, долг, идентичность, ответственность, соборность, биополитика, власть, политическая онтология, экзистенциальный выбор

Для цитирования:

Тумин А. Ю. Идея служения Отечеству в фокусе современной философии // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 38–48. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-38-48>.

Original research article

THE IDEA OF SERVING THE FATHERLAND IN THE FOCUS OF MODERN PHILOSOPHY

A. Tumin

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russian Federation
e-mail: tumin-msk@mail.ru

Received by the editorial office 16.02.2026

Revised by the author 03.03.2026

Accepted for publication 14.03.2026

Abstract

Aim. To provide an ontological and historical-philosophical rethinking of the category of service as a form of individual participation in the political, cultural, and spiritual holistic existence of society. It focuses on how identity transformation, 21st century biopolitical processes, and the crisis of institutions require a new understanding of service that goes beyond normative duty and functional loyalty.

Methodology. The study is based on an interdisciplinary approach, including historical-philosophical analysis, conceptual reconstruction, and hermeneutic interpretation of texts by classical and contemporary thinkers, as well as a critique of service ideologemes developed in theories of biopolitics and political ontology. Comparative analysis, a deconstructive approach to power and subjectivity, and concepts of recognition and identity are utilized.

Results. It is demonstrated that the idea of service possesses a multi-layered structure and significant historical depth, dating back to ancient political virtue, Christian anthropology, and the modern concept of subject autonomy. The specificity of the Russian philosophical tradition is revealed, within which service is conceptualized through the categories of conciliarity, spiritual responsibility, and historical destiny. It is substantiated that in the biopolitical reality of the 21st century, service is losing its predominantly institutional character and acquiring the status of an existential choice, implying responsibility to a common future, collective memory, and the vulnerable structures of the social world.

Research implications. The theoretical significance lies in the development of an ontologically expanded concept of service as a form of individual existence within a cultural-historical whole. It is proposed to interpret service not as a mechanism of subordination or a function of the state, but as an existential and ethical form of human participation in the development of a common world. The work thus contributes to contemporary philosophy of identity, political ontology, and the ethics of responsibility, creating conceptual foundations for a new understanding of service in the context of global instability and the transformation of social institutions.

Keywords: service, Fatherland, duty, identity, responsibility, conciliarity, biopolitics, power, political ontology, existential choice

For citation:

Tumin, A. Yu. (2026). The Idea of Serving the Fatherland in the Focus of Modern Philosophy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 38–48. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-38-48>.

Введение

Идея служения Отечеству на протяжении всей истории мысли обладала особым онтологическим статусом: она всегда выходила за пределы политического или юридического дискурса, затрагивая глубинные структуры человеческого бытия, его включённость в историческое и ценностное целое. В современности эта идея

приобретает новый характер, поскольку сама структура социального и политического мира, в котором действует субъект, претерпевает радикальные изменения. Служение перестаёт быть только внешним обязанностным актом и всё более становится вопросом идентичности, ответственности и экзистенциального выбора.

Уже в классической философии категория служения мыслится в тесной свя-

зи с онтологией политического целого. Аристотель подчёркивал исходное превосходство общего над частным: «Государство по природе предшествует каждой отдельной личности» [1, с. 120]. Эта мысль формирует парадигму, в рамках которой служение Отечеству выступает не просто как нормативное требование, а как способ участия личности в бытии целого, предшествующего её индивидуальному существованию, однако в условиях современного мира, описанного Зигмунтом Бауманом как «жидкая современность», основание такой целостности оказывается под вопросом, социальные связи теряют стабильность, а идентичность становится подвижной и множественной.

Современная философия пересматривает категории долга и лояльности ввиду утраты самоочевидности форм политического и культурного единства. Макс Вебер в работе «Политика как призвание и профессия» определял современное государство как «организованный по типу учреждения союз господства», добившийся монополии на легитимное физическое насилие. Государство централизует ресурсы и вытесняет сословных функционеров, занимая высшие позиции управления [2, с. 41], что подчёркивает суть модерного государства, которое функционирует как рациональная управленческая машина, и власть опирается на безличные правила, а не на личную преданность или сакральный авторитет. Соответственно, служение направлено не на личность или Отечество в эмоциональном смысле, а на абстрактный порядок рациональной организации. Однако такая рационализация чревата отчуждением, и человек становится «винтиком» системы, функция вытесняет личное участие, а формальные предписания заменяют ценностные ориентиры.

Критика XX в., особенно связанная с анализом власти, показала, что служение может быть преобразовано в форму подчинения. Ханна Арендт отмечала: «Тоталитаризм стремится привести бесконечное множество весьма разных человеческих существ к одному знаменателю, разрушая индивиду-

альность» [3, с. 144]. У Мишеля Фуко служение вписывается в более широкий контекст дисциплинарных практик и биополитических стратегий. М. Фуко писал: «Надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, “исключает”, “подавляет”, “цензурирует”, “извлекает”, “маскирует”, “скрывает”. На самом деле власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к её продукции» [4, с. 196]. Указанная мысль означает, что служение становится элементом формирования субъектности, а не только её проявлением.

Однако, как показывает современный социально-философский анализ, идея служения не исчезает, несмотря на критику и деконструкцию, а напротив, в ситуации распада коллективных ориентиров, глобальной турбулентности и кризиса доверия к институтам возникает новая потребность в основаниях общности.

В этом контексте особенно значимы размышления Чарльза Тейлора о природе идентичности. Ч. Тейлор писал: «Мы определяем свою идентичность всегда в диалоге, иногда в борьбе с тем, что наши значимые другие хотят видеть в нас. Даже после того, как мы перерастаем некоторых из этих других – например, наших родителей, – и они исчезают из нашей жизни, разговор с ними продолжается внутри нас, пока мы живём» [5, р. 25]. Идея Тейлора позволяет глубже осмыслить трансформацию идеи служения. В горизонте поиска идентичности служение Отечеству приобретает значение не внешней обязанности, а формы самоопределения в условиях исторической неопределённости – способа включения в коллективную судьбу через непрерывный диалог с традицией, ценностями и ожиданиями сообщества.

Российская философская традиция придаёт проблеме служения экзистенциальную глубину, раскрывая её не как формальный долг, а как онтологическое измерение человеческого бытия и общности. В этом контексте показательны размышления

Н. А. Бердяева. В статье «О любви к России» он подчёркивает безусловный, внеутилитарный характер подлинного патриотизма: «Нельзя любить Россию лишь за её качества и за её достижения, нельзя любить на условиях и с торгом. Само достижение высшей жизни для России, само повышение качеств её существования возможно лишь в том случае, если мы будем любить её до этих достижений и до этих качеств» [6, с. 180]. Для философа служение Отечеству – это не прагматическая обязанность, а экзистенциальный выбор, основанный на любви до свершений и достижений. Такая любовь сама становится условием преображения страны, поскольку задаёт высший нравственный горизонт, не сводимый к политическим или социальным схемам.

Схожую онтологическую перспективу развивает Л. П. Карсавин в работе «О личности». Он рассматривает служение как проявление соборной природы человека, включённого во «всеединство»: «Любые субъекты действия в истории, социальной жизни и культуре включены в единое целое, во “всеединство”, где каждая отдельно взятая человеческая личность понимается как органическая часть всеединства» [7, с. 33]. Здесь служение предстаёт как способ бытия личности, осознающей свою причастность к целому. Л. П. Карсавин подчёркивает, что индивидуальность обретает полноту лишь в единстве с другими, а её действия всегда имеют смысл в контексте общей судьбы. Оба мыслителя с разных сторон раскрывают глубинную природу служения в российской традиции: Н. А. Бердяев акцентирует экзистенциально-нравственный аспект (безусловная любовь как основа служения), Л. П. Карсавин – онтологически-соборный (служение как реализация личности во всеединстве). Их идеи позволяют увидеть служение как форму самоосуществления человека в сообществе, в котором личная идентичность и общая судьба взаимно обуславливают друг друга.

Современная философия сталкивается с парадоксом: при том, что многие классические основания служения подверглись деконструкции, сама потребность в служении

остаётся, но требует нового философского обоснования. Служение становится вызовом для мысли: как возможно служение в эпоху индивидуализма, множественной идентичности и биополитического контроля? какие формы оно может принимать в условиях кризиса больших нарративов? как соединить личную свободу и ответственность перед целым?

Историко-философская эволюция идеи служения Отечеству: от античной политической добродетели до современного долга

Историческая линия развития идеи служения демонстрирует удивительную устойчивость и одновременно непрерывную трансформацию этого понятия. Служение никогда не являлось лишь функцией политического механизма, оно всегда имело антропологический, этический и онтологический смысл. Проследить его эволюцию значит раскрыть, как в разные эпохи понимались отношения человека и политического целого, как менялось представление о долге, общности и ответственности.

Античная философия положила фундамент для всей последующей традиции. В греческом полисе служение Отечеству было формой проявления *areté* (от др.-греч. ἀρετή) – гражданской добродетели, выражением согласия индивида с порядком космоса и закона. Аристотель подчёркивал: «Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живёт вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [8, с. 379]. Эта мысль указывает, что служение не внешнее предписание, а онтологическое условие человеческого существования, невозможность жить вне общности.

В римской традиции идея служения получает нормативно-этическую форму через категорию *officium*. Цицерон стремился соединить личную добродетель и общественный долг, утверждая, что стремление к личной выгоде за счёт других противоречит природе

и закону, а истинная добродетель связана с заботой об общем благе [9]. Здесь рождается принцип, который станет центральным для всей европейской этико-политической традиции: служение должно быть соразмерно справедливости, иначе оно превращается в инструмент принуждения.

Средневековая христианская мысль превращает служение в форму духовно-онтологической включённости личности в сотворённый порядок. Августин вводит принцип *ordo amoris* (в переводе с латыни – «порядок любви»), в рамках которого всякая форма любви, включая любовь к Отечеству, обретает своё надлежащее место лишь в структуре «правильной любви». Согласно его взгляду, все явления и поступки должны быть соотнесены с высшим божественным порядком, где каждый из них получает осмысленную роль. Как отмечал Августин, «...принадлежность великого порядка и божественного распорядка, которое, поскольку охраняет единство всего в самой противоположности, приводит к тому, что и самое зло является необходимым»¹. Служение Отечеству осмысляется как участие в даруемом Богом всеобщем порядке, когда даже противоположности и зло встраиваются в целостную гармонию высшего замысла.

Фома Аквинский интегрирует античную добродетель и христианскую мораль, связывая служение с добродетелью справедливости: «Акт справедливости заключается в исполнении того, что должно. Но Бог никому ничего не должен. Следовательно, справедливость не принадлежит Богу» [10, с. 327]. Эта мысль философа закладывает основу для представления о служении как о соединении земного и духовного порядка.

В арабской средневековой философии идея служения получает дальнейшее концептуальное развитие. Авверроэс, интерпретируя аристотелевскую традицию, подчёркивает, что разумная природа человека реализуется лишь в соотнесённости с общим благом и в участии в коллективной форме

жизни [1]. Совершенная человеческая деятельность, следовательно, мыслится как служение общественному целому. Эта линия расширяет античное и христианское понимание служения, демонстрируя универсальность данной проблемы в интеллектуальном пространстве средневекового мира.

В эпоху модерна происходит фундаментальная трансформация понимания служения. Под влиянием процессов секуляризации, формирования национальных государств и распространения индивидуализма существенно переосмысливается характер связи между личностью и политическим сообществом. В рамках теории общественного договора, разработанной Жан-Жаком Руссо, служение перестаёт трактоваться как подчинение отдельной воле и переопределяется как участие в формировании общей воли. Согласно его концепции, индивид отдаёт себя целому, а не другому человеку, что обеспечивает легитимность политического порядка через коллективное волеизъявление. Источник легитимности становится внутренним, коллективным и имманентным.

Иммануил Кант развивает эту линию рассуждений, акцентируя внимание на автономии морального долга. В его этике служение Отечеству приобретает смысл лишь в контексте следования моральному закону, а не подчинения эмпирической власти. Для философа долг перед государством носит вторичный характер по отношению к категорическому императиву, требующему относиться к человечеству как к цели, а не как к средству.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель предлагает иную перспективу, восстанавливая ценность государства как сферы действительной свободы. В его философии служение перестаёт быть внешней необходимостью и превращается в способ реализации свободы в рамках объективного духа. Государство интерпретируется как действительность моральной идеи, что придаёт служению онтологический статус и связывает его с реализацией объективных начал нравственной жизни.

¹ Аврелий А. О порядке [Электронный ресурс] // Викитека: свободная библиотека: [сайт]. URL: clck.ru/3Rb6TB (дата обращения: 26.01.2026).

Историко-философская эволюция идеи служения Отечеству выявляет две ключевые линии. Первая – линия интеграции личности в целое, где служение есть способ реализации высшего порядка (Античность – христианство – Г. В. Ф. Гегель). Вторая – линия критической автономии, в рамках которой служение возможно только через свободу и моральный закон (Ж.-Ж. Руссо – И. Кант). Линии находятся в диалоге, задавая напряжение, которое определяет философскую судьбу идеи служения вплоть до современности.

Российская философская традиция служения Отечеству: от соборности до духовного долга личности перед историей

Идея служения Отечеству в российской философии приобретает особую метафизическую насыщенность, недоступную западной традиции, где служение чаще было связано с гражданской добродетелью или моральной автономией. В отечественной мысли служение раскрывается как экзистенциальная форма сопричастности личности историческому целому, как духовная структура, соединяющая человека не только с обществом, но и с трансцендентным порядком бытия. Именно поэтому русская философия (от В. С. Соловьёва до Н. А. Бердяева и Л. П. Карсавина) вырабатывает уникальную категориальную модель, в которой служение оказывается не внешним долгом, а внутренним актом онтологического самоопределения.

В. С. Соловьёв закладывает фундаментальные основания философского осмысления служения в рамках своей этики всеединства. В работе «Оправдание добра» В. С. Соловьёв подчёркивает, что нравственное совершенствование личности не может быть замкнуто в пределах индивидуального существования: «Признавая за собою безусловное значение, человек по справедливости должен признать то же самое и за всеми другими и свою обязанность совершенствования понимать не только как задачу личной жизни, но и как нераз-

дельную часть всемирно-исторического делания» [11, с. 172]. Тем самым служение мыслится у Соловьёва не как внешняя обязанность или политическая лояльность, а как форма участия личности во всеединстве – органической общности, в которой индивидуальное и универсальное взаимно раскрываются. В этом контексте служение Отечеству приобретает характер духовной причастности к исторически развёртывающемуся Божественному замыслу.

И. А. Ильин, развивая идею духовного национального самоопределения, подчёркивает, что служение Отечеству невозможно без внутренней дисциплины духа и нравственного самообладания. И. А. Ильин отмечает: «Служение Родине есть прежде всего служение духу, её историческому и нравственному предназначению, а не внешним формам государственной власти» [12, с. 45]. Согласно мысли философа, Отечество представляет собой политическую и духовную реальность, объединяющую историческую память, культуру и нравственное предание. В этом различении государственности и Отечества служение осмысливается как экзистенциальная верность духовной целостности народа, а не как административное подчинение.

Н. А. Бердяев радикализирует тему служения, вводя её в контекст философии свободы и персонализма. Размышляя о патриотизме, он пишет: «Патриотизм может жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опытом испытала безусловное достоинство этого священного и узнала его в святых своего народа» [13, с. 93]. В его перспективе служение возможно лишь как свободный и творческий акт личности, способной к ответственной встрече с историей. Россия осмысливается им как метафизическая судьба, требующая не внешнего подчинения, а внутренней духовной сопричастности. Служение здесь становится формой творения истории, а не следования установленному политическому порядку.

Особое значение в российской философской традиции приобретает категория соборности. Соборность обозначает органическое единство свободных личностей,

связанных духовной взаимностью и общим историческим смыслом. Именно через эту категорию раскрывается специфическая российская модель служения – не индивидуалистическая и не государственническая, а экзистенциально-общинная.

Российская философская традиция развивает идею служения в направлении духовной ответственности личности перед историей, где служение понимается как акт онтологического соединения с общим судьбоносным движением народа. Формируется сложная концептуальная топология, в рамках которой служение выступает метафизической формой существования личности, укоренённой в истории, соборности и свободе.

Философия XX в. радикально переосмысливает понятие служения, переводя его из сферы этико-политической добродетели в поле критики власти, тоталитаризма и биополитики. Ханна Арендт показывает, что тоталитаризм разрушает саму структуру политического действия, превращая служение в безличное исполнение предписаний. Х. Арендт подчёркивает: «Идеальный субъект тоталитарного господства – это не убеждённый нацист или убеждённый коммунист, а человек, для которого различие между фактом и вымыслом, истинным и ложным перестало существовать» [3, с. 474]. В этих условиях служение утрачивает телос свободы и превращается в механизм обезличенного участия в структуре насилия.

Анализируя формы власти современного и позднего общества, М. Фуко радикализирует критику служения как социальной добродетели. По мнению французского философа, дисциплинарная власть действует посредством производства субъекта, добровольно включающегося в отношения повиновения. Дисциплинарная власть «производит индивидуумов; она наделяет их реальностью, заставляет их действовать и говорить» [4, с. 194]. В этом смысле служение в биополитическом режиме предстаёт как эффект тех властных устройств, которые формируют саму структуру субъективности, превращая по-

виновение в «нормальный» модус существования.

К. Шмитт, напротив, вскрывает политико-теологическое измерение служения, показывая, что служение государству легко трансформируется в служение суверену, чья власть основана на решении об исключении. Его тезис о том, что сувереном является тот, «кто принимает решение о чрезвычайном положении» [14, с. 13], позволяет понять, каким образом апелляция к служению может быть мобилизована для легитимации насилия. В этой логике служение Отечеству утрачивает экзистенциальное измерение и становится зависимым от суверенного решения, а гражданин – носителем функции, ценность которой определяется политической целесообразностью.

В. Беньямин развивает эту линию критики, анализируя связь служения и насилия. В эссе «К критике насилия» он вводит различие между «мифическим» и «божественным» насилием, показывая, что первое закрепляет власть через вину и подчинение, превращая служение в форму включённости в легитимированный, но разрушительный порядок. В этой перспективе служение утрачивает статус безусловной добродетели и обнаруживает свою амбивалентность как возможный механизм воспроизводства господства.

Исследуя психологию масс, Э. Канетти показывает, что в условиях массового общества структура служения претерпевает радикальную трансформацию. Растворяясь в массе, индивид отказывается от личной ответственности и тем самым становится уязвимым для манипуляции. Служение здесь перестаёт быть актом осознанной воли и превращается в следствие аффективной динамики коллективного поведения, где подчинение переживается как освобождение.

Жан-Поль Сартр радикализирует эту проблематику в рамках экзистенциальной философии, вводя понятие «дурной веры» как формы бегства от свободы. Его тезис о том, что человек «осуждён быть свободным» [15, с. 34], означает, что любое служение, принимаемое как необходимость или

судьба, может выступать формой самообмана. В этом контексте служение оказывается оправданием отказа от ответственности за собственный выбор и способом маскировки свободы под социальную или историческую неизбежность.

Философия XX в. вскрывает внутреннюю амбивалентность служения, которое может выступать актом свободы и ответственности и одновременно формой дисциплинарного подчинения, механизмом политического исключения, структурой мифического насилия или способом экзистенциального бегства от свободы. Критика М. Фуко, К. Шмитта, В. Беньямина, Э. Канетти и Ж.-П. Сартра формирует концептуальный горизонт, в котором служение перестаёт быть однозначной добродетелью и требует онтологического и политического переосмысления.

Идея служения Отечеству в горизонте современной философии идентичности

Современная философия идентичности радикально трансформирует понимание служения, смещая акцент с внешних форм долга на внутренние процессы субъективации, признания и принадлежности. Если классические модели служения опирались на устойчивые формы коллективной идентичности (гражданство, народ, религиозную общину), то в условиях постнационального и посттрадиционного мира служение оказывается включённым в подвижную и конфликтную динамику идентичностей. В этом контексте служение перестаёт быть самодостаточной нормативной категорией и всё в большей степени зависит от тех символических и социальных структур, которые задают горизонты легитимности, распределяют роли и формируют пространство моральной рефлексии.

В рамках сложной динамики признания, которую описывают А. Хоннет, Дж. Батлер, Э. Лаклау и З. Бауман, служение мыслится как практика, невозможная без устойчивой идентичности, поддержанной социальным признанием. Отсутствие признания подрывает способность субъекта

к моральному действию, превращая служение в формальное или отчуждённое поведение, однако множественность и фрагментация идентичностей в современных обществах ставят под вопрос саму возможность такого служения: субъект оказывается включённым в несколько конкурирующих режимов принадлежности, ни один из которых не обладает окончательной легитимностью. В результате служение утрачивает статус очевидного долга и требует постоянного обоснования.

Диалогические концепции идентичности подчёркивают, что принадлежность и самоопределение формируются в процессе взаимодействия, а не выводятся из заранее заданной сущности. В этом горизонте служение приобретает процессуальный характер, перестаёт быть выражением уже сложившейся идентичности и превращается в практику её формирования. В условиях культурной фрагментации и ценностного плюрализма служение становится формой постоянной работы по самоопределению, а не реализацией устойчивого образа «мы».

Перформативные подходы к идентичности радикализируют это понимание, рассматривая субъект как эффект нормативных практик, которые он одновременно воспроизводит и трансформирует. С этой точки зрения служение не закрепляет идентичность, а производит её в самом акте действия. Служение Отечеству, общине или идеалу предстаёт не следствием предзаданной сущности, а практикой, формирующей субъекта. Вместе с тем такое понимание выявляет уязвимость служения: если нормы, в рамках которых оно осуществляется, являются социальными конструкциями, то они подвержены деконструкции, утрате легитимности и необходимости постоянного пересогласования.

Политические теории идентичности дополняют этот анализ, показывая, что коллективы не предшествуют служению, а конституируются в процессе символической и политической артикуляции. Коллективная идентичность не является завершённой или устойчивой, она всегда контингентна и открыта пересборке. Следовательно, слу-

жение Отечеству в современном мире не может опираться на фиксированное коллективное тело, но требует постоянного воспроизводства самого основания коллективности. Служение становится не следствием уже существующего «мы», а условием его временной стабилизации.

Анализ «текучей современности» фиксирует дальнейшее ослабление устойчивых форм принадлежности. Размывание социальных связей и нестабильность жизненных траекторий превращают идентичность в задачу, а не в наследие. В таких условиях служение утрачивает характер долговременного обязательства и всё чаще выступает как временная стратегия ориентации в нестабильном социальном пространстве или как попытка обрести устойчивость через добровольную самофиксацию.

Современная философия идентичности демонстрирует глубокую трансформацию понятия служения, которое больше не может быть понято как вывод из неизменной сущности или прочной коллективной принадлежности. В условиях размытых и множественных идентичностей служение предстаёт как перформативный, диалогический и контингентный акт, требующий признания, артикуляции и постоянного пересогласования. В этом горизонте служение становится не только этико-политической практикой, но и способом поддержания хрупкого единства субъекта и коллективности в мире, где идентичности больше не заданы заранее.

Реальность XXI в. радикально трансформирует горизонты служения, погружая субъекта в пространство биополитических режимов, цифровой медиальности и институциональной хрупкости. Если в индустриальную эпоху служение преимущественно понималось как нормативно закреплённое отношение индивида к государству, то сегодня оно формируется внутри пересекающихся кризисов – глобальных конфликтов, транснациональных миграций, эпидемиологических угроз и алгоритмизации повседневных практик. Эти процессы создают зону напряжения между ответственностью и уязвимостью, в кото-

рой служение перестаёт быть актом однозначной лояльности и приобретает характер этической солидарности перед лицом непредсказуемых вызовов.

Биополитическая парадигма, разработанная в современной социальной философии, выявляет качественно новый тип власти, ориентированной на управление жизнью, риском и уязвимостью. Введение биополитического измерения радикально изменяет само понимание служения: оно становится не столько политическим долгом, сколько формой включённости в режимы регуляции телесного и социального существования. В этом контексте государство формирует новые ожидания служения, связанные не с символическими идеалами, а с поддержанием безопасности, устойчивости и управляемости жизни – от участия в медицинских и санитарных практиках до следования цифровым и алгоритмическим предписаниям.

В условиях расширяющегося режима исключения служение приобретает двойственный характер. С одной стороны, оно выступает формой солидарности в ситуации неопределённости, а с другой – может превращаться в инструмент политической инструментализации субъекта. Уязвимость человеческого существования становится ресурсом мобилизации, а служение – ответом на состояние постоянной неопределённости, которое одновременно защищает и подчиняет.

Цифровизация усиливает эти процессы, формируя новые формы ответственности и долга. В цифровой среде служение всё реже является исключительно результатом осознанного выбора и становится включённостью в алгоритмические экосистемы, которые структурируют поведение, предпочтения и формы коллективной солидарности. Гражданская ответственность приобретает новые измерения – поддержание цифровой безопасности, противодействие дезинформации, участие в обеспечении устойчивости информационных и коммуникационных пространств. Таким образом, служение всё в большей степени выступает как практика поддержания хрупких сетевых общностей.

Современные глобальные конфликты и гибридные угрозы – кибератаки, информационные войны, децентрализованные формы насилия – формируют новое пространство ответственности. В условиях, когда источник угрозы не локализован и не имеет чётко определённого субъекта, служение приобретает характер постоянной готовности защищать не только территориальные, но и цифровые, культурные и символические формы коллективного существования.

В этой ситуации категория служения возвращается к своим онтологическим основаниям и всё чаще осмысливается как форма бытия-в-ответственности. В этом смысле показательно замечание Поля Рикёра о том, что ответственность означает способность отвечать за действия, последствия которых невозможно полностью предвидеть. В XXI в. служение Отечеству всё в большей степени становится практикой удержания целостности в условиях радикальной неопределённости, будь то эпидемии, экологические кризисы или распадающиеся институциональные структуры.

Одним из главных факторов трансформации служения является кризис доверия к социальным и политическим институтам. В условиях ослабления институциональной легитимности служение перестаёт быть выражением уверенности в установленном порядке и всё чаще принимает форму этического выбора, опирающегося не на иерархию власти, а на горизонтальные связи ответственности и солидарности. И именно в этом контексте возникают новые формы служения, выходящие за пределы государственного долга, – волонтёрские движения, экологические инициативы, цифровые сообщества взаимопомощи.

Служение Отечеству в эпоху биополитической и цифровой реальности всё более явно соотносится с тремя взаимосвязанными уязвимостями: уязвимостью тела, уязвимостью информации и уязвимостью институциональных структур. Оно перестаёт быть исключительно политической обязанностью и приобретает статус этического отношения к миру, в котором ответственность предшествует формальному долгу.

Заключение

Историко-философский анализ показывает, что идея служения никогда не сводилась лишь к внешнему исполнению предписаний или институциональной лояльности. Античная традиция осмысливала служение как участие в жизни полиса и взаимную добродетель. Христианская мысль вводила в него измерение духовной ответственности личности. Модерн связывал служение с автономией разума и универсальными нормами. Философия XX в. подвергла служение радикальной критике, обнаружив его способность превращаться в механизм подчинения, тогда как современная философия идентичности раскрывает служение как практику, зависящую от признания, уязвимости и диалогической структуры принадлежности.

Особое место в этом контексте занимает российская философская традиция, в которой служение интерпретируется через категории соборности, духовной ответственности и исторической судьбы. Здесь служение понимается не как растворение личности в коллективе, а как форма её раскрытия в общем историческом и духовном целостном бытии.

В условиях цифровизации, гибридных угроз и массовой уязвимости служение требует онтологического поворота – перехода от понимания его как набора функций и предписаний к осмыслению его как способа бытия. Служение предстаёт как экзистенциальная открытость миру, как способность быть ради другого, одновременно сохраняя личностную свободу и участвуя в становлении общего исторического целого.

Такое понимание служения Отечеству может стать основанием для новой этики общественного участия – этики, ориентированной на ответственность, взаимное признание и заботу о будущем, а не на принуждение или иерархическую лояльность. В этом смысле служение предстаёт не только философской категорией, но и практикой ответственного присутствия человека в мире, переживающем глубокий исторический перелом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Политика. Риторика. М.: Эксмо, 2024. 382 с.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер. с нем., вступ. ст. А. Ф. Филиппова. М.: Рипол-классик, 2025. 292 с.
3. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. В. Наумова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 383 с.
5. Taylor C. *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 144 p.
6. Бердяев Н. А. О любви к России // Великая война в образах и картинах. 1917. № 13. С. 180–182.
7. Карсавин Л. П. О личности / пер. с рус. С. Танасић. Подгорица: ЦИД, 2004. 313 с.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с греч.; общ. ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1983. 832 с.
9. Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / сост. Г. С. Кнабе. М.: Мысль, 1999. 782 с.
10. Аквинский Ф. Сумма теологии / пер. К. Бандуровского. М.: АСТ, 2019. 319 с.
11. Соловьёв В. С. Оправдание добра. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 770 с.
12. Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 366 с.
13. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: АСТ, 2006. 414 с.
14. Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 333 с.
15. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. М.: АСТ, 2024. 1068 с.

REFERENCES

1. Aristotle (2024). *Politics. Rhetoric*. Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).
2. Weber, M. (2025). *Politics as a Vocation*. Moscow: Ripol Classic publ. (in Russ.).
3. Arendt, H. (1996). *The Origins of Totalitarianism*. Moscow: CenterCom publ. (in Russ.).
4. Foucault, M. (2021). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem Press publ. (in Russ.).
5. Taylor, C. (1992). *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press publ.
6. Berdyaev, N. A. (1917). On Love for Russia. In: *The Great War in Images and Pictures*, 13, 180–182 (in Russ.).
7. Karsavin, L. P. (2004). *On the Personality*. Podgorica: CID publ. (in Russ.).
8. Aristotle. *Works. Vol. 4*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
9. Cicero, M. T. (1999). *On the State. On Laws. On Old Age. On Friendship. On Duties. Speeches. Letters*. Moscow: Mysl publ. (in Russ.).
10. Aquinas, T. (2019). *Summa Theologica*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
11. Solovyov, V. S. (2021). *Justification of the Good*. St. Petersburg: Azbuka-Atticus publ. (in Russ.).
12. Plyin, I. A. (1993). *About the Coming Russia: Selected Articles*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russ.).
13. Berdyaev, N. A. (2006). *Philosophy of the Free Spirit*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
14. Schmitt, C. (2000). *Political Theology*. Moscow: Kanon-press-C publ., Kuchkovo pole publ. (in Russ.).
15. Sartre, J.-P. (2024). *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology*. Moscow: AST publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумин Александр Юрьевич (г. Москва) – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя;

ORCID: 0000-0002-9420-8149; e-mail: tumin-msk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Yu. Tumin (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Department, Department of Philosophy, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia;

e-mail: tumin-msk@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9420-8149